
**НАУЧНАЯ СЕССИЯ: ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА:
МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ**

**КОНЦЕНТРАЦИЯ ДОХОДОВ, НЕСТАБИЛЬНОСТЬ ДЕМОКРАТИИ
И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ**

© 2009 г. В. М. Полтерович, В. В. Попов, А. С. Тонис

(Москва)

В работах (Полтерович, Попов, 2007; Полтерович, Попов, Тонис, 2007, 2008) было установлено, что при низком качестве институтов демократизация негативно влияет на экономический рост; были изучены некоторые механизмы этого влияния. В статье приводится обзор соответствующих результатов и исследуется еще один механизм — связанный с распределением доходов. На основе эконометрических расчетов показано, что при несовершенных институтах демократизация и увеличение ресурсного богатства ассоциированы с увеличением неравенства, что усиливает нестабильность демократии. А нестабильность политического режима, в свою очередь, приводит к ухудшению качества институтов и негативно влияет на темпы роста. Эмпирические наблюдения находят объяснение в рамках теоретико-игровой модели, демонстрирующей нестабильность демократии при слабых институтах и высокой концентрации доходов.

1. ВВЕДЕНИЕ

Развитые страны за немногими исключениями являются демократиями. Поэтому кажется очевидным, что между уровнем благосостояния и индикаторами демократичности политического режима страны должна быть связь и притом двусторонняя: демократия способствует экономическому росту, а увеличение благосостояния — демократизации. Однако результаты эмпирических работ, где исследуется эта проблема, противоречивы. Так, в обзоре 18 исследований о связи экономической динамики с демократией (Przeworski, Limongi, 1993) авторы отмечают странную закономерность: исследования, выполненные после 1987 г., обнаруживают положительную связь между демократией и ростом, тогда как согласно работам, выполненным в более ранний период на том же статистическом материале, авторитарные страны растут быстрее. Подчас противоположные выводы о характере зависимости экономического роста от демократии/авторитаризма получают и авторы более поздних работ (см. (Афонцев, 1999; Przeworski, Alvarez, Cheibub, Limongi, 2000; UNDP, 2002; Fidrmuc, 2002; Popov, 2000, 2007)).

Почему увеличение демократических свобод может вести к уменьшению благосостояния? Естественная гипотеза состоит в том, что при некоторых условиях издержки самого процесса демократизации могут превосходить выгоды. В работах (Полтерович, Попов, 2007; Polterovich, Popov, 2007) предпринята попытка показать, что эта гипотеза верна и что издержки демократизации зависят от правопорядка в стране в момент начала демократизации. При этом подчеркивается различие между демократией и правопорядком, т.е. порядком, основанном на законах и правилах, устанавливаемых властями; правопорядок измеряется индексами правопорядка, индексами инвестиционного климата (риска) и индексами коррупции. В этих работах приводятся результаты эконометрических расчетов, демонстрирующие, что в странах с сильным правопорядком демократизация стимулирует экономический рост, а в странах со слабым правопорядком демократизация отрицательно влияет на рост. Кроме того, демократизация в условиях слабого правопорядка ведет к расширению теневой экономики и ухудшению качества институтов.

Ниже дается краткий обзор упомянутых результатов. Затем будет рассмотрена гипотеза о том, что демократизация при плохих институтах ведет к увеличению неравенства доходов. Мы приводим аргументы, показывающие, что эта гипотеза является весьма правдоподобной. В свою очередь, и ухудшение институтов, и увеличение неравенства ухудшают отношение населения к демократии, тем самым подрывая ее стабильность.

Описанный механизм неудачи демократизации при плохих институтах уточняется и исследуется с помощью математической модели, являющейся развитием конструкции, предложенной в (Полтерович, Попов, Тонис, 2008). Здесь демонстрируется неустойчивость демократии в обществе с высокой «склонностью к коррупции» и концентрацией доходов в руках немногих собственников («олигархов»). В рассматриваемом варианте модели учтена обратная связь между

уровнем коррупции (определяемым эндогенно) и отношением населения к существующему демократическому режиму и потенциальному автократу. Показано, что с увеличением концентрации собственности растет вероятность смены демократии автократическим режимом. Поскольку в развивающихся странах, обладающих большим количеством сосредоточенных природных ресурсов, в периоды демократизации рента, как правило, концентрируется в руках немногих частных лиц, модель объясняет, почему в таких странах превалируют авторитарные режимы (краткое изложение этого результата см. в (Полтерович, Попов, Тонис, 2007)).

В результате демократизации и последующего возврата к авторитаризму снижается качество институтов, и страна оказывается в худших для экономического роста условиях. Заметим, что чрезмерное увеличение неравенства также вредит росту. Таким образом, получает объяснение отрицательная связь между демократизацией и экономическим ростом, установленная эконометрическими расчетами.

2. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ

Все используемые далее показатели (если отсутствуют специальные указания на их источник) взяты из базы данных Всемирного банка “World Development Indicators”. Эта база содержит данные более чем о 200 странах за 1975–1999 гг. Через y обозначен среднегодовой темп роста ВВП на душу населения в 1975–1999 гг.; мы исследуем его зависимость от демократизации. Главный используемый нами индикатор политического режима — индекс политических прав, публикуемый агентством Freedom House (<http://www.freedomhouse.org/ratings/index.htm>). Он изменяется в пределах от 1 (полная демократия) до 7 (полный авторитаризм). Его более низкие значения, таким образом, соответствуют большей демократии, поэтому его было бы логичнее назвать уровнем авторитаризма. Средний уровень авторитаризма за четыре года (с 1972 по 1975 г.) в самом начале рассматриваемого периода обозначается через DEM_{72-75} . Демократизация Δ измеряется разностью средних индексов политических прав за четыре последних (1999–2002 гг.) и четыре первых года (1972–1975 гг.) рассматриваемого периода; однако этот показатель откалиброван так, чтобы он был всегда положительным и показывал именно прирост демократии, а не авторитаризма: $\Delta = 4 - (D_{99-02} - D)$, где D_{99-02} — средний уровень авторитаризма за 1999–2002 гг.

Подчеркнем, что индикатор Δ является очень грубой мерой демократизации. Одному и тому же его значению может соответствовать как монотонное наращивание демократических прав, так и колебательный процесс смены политических режимов. Фактически демократизация могла происходить как в начале рассматриваемого 25-летнего периода, так и в конце. Первый случай допускает возможность компенсации негативного эффекта демократизации в результате последующего развития. Коль скоро высокие значения этого индекса соответствуют успешной демократизации, они, на первый взгляд, должны ассоциироваться с относительно быстрым ростом. Однако, поскольку индекс имеет приростной характер, он “не помнит”, что изменение уровня политических прав могло происходить многократно и порождать высокие издержки. Приводимые ниже расчеты из (Полтерович, Попов, 2007) показывают, что при слабых институтах издержки, возникающие в процессе демократизации, по своему влиянию на рост производства “в среднем” перевешивают связанные с ней преимущества, в то время как при достаточно сильных институтах влияние демократизации на рост положительно.

К сожалению, мы не располагаем данными об индексе правопорядка для начальных лет рассматриваемого периода. Поэтому для оценки влияния институтов на рост используются два других индекса, отражающих качество институтов: 1) индекс восприятия коррупции CPI (Corruption Perception Index) за 1980–1985 гг., исчисляемый агентством Transparency International; 2) индекс инвестиционного климата IC за 1984–1990 гг. (The International Country Risk Guide, 2001). Индекс CPI в 1980-е годы доступен для 53 стран, а индекс IC — для 123 стран.

Основная идея расчетов состоит в том, чтобы, рассматривая квадратичные зависимости темпов роста от демократизации и показателей качества институтов, найти пороги — значения институциональных переменных, для которых влияние демократизации меняет знак.

Рассмотрим эту задачу применительно к среднему индексу коррупции CPI за 1980–1985 гг. Он изменяется в пределах от 0 до 10; чем он меньше, тем выше коррупция, так что фактически это индекс чистоты, а не коррупции. Одно из уравнений, полученных в (Полтерович, Попов, 2007), имеет вид

$$y = CONST + CONTR.VAR + 0.0729\Delta(CPI - 6.65), \quad (1)$$

где y — среднегодовой темп роста ВВП на душу населения в 1975–1999 гг., а в число контрольных переменных $CONTR$. IAR входят средние темпы роста населения за период и ВВП на душу населения в 1975 г. Все коэффициенты значимы на однопроцентном уровне.

Согласно (1), демократизация оказывала положительное влияние на рост, если индекс коррупции был выше 6.65 (примерный уровень Чили, Малайзии, Испании в начале 1980-х годов), а если ниже — отрицательное.

Этот результат качественно не меняется при добавлении доли инвестиций в ВВП или начального уровня демократии D в состав контрольных переменных, а также при использовании инструментальных переменных для исключения эндогенности. Пороговая форма зависимости между демократизацией и ростом оказывается предпочтительнее линейной не только с содержательной точки зрения, но и по качеству аппроксимации данных.

Аналогичные выводы имеют место, если характеризовать качество институтов индексом инвестиционного климата IC . Для него также были найдены разумные пороговые значения. Демократизация, таким образом, положительно влияла на рост только в странах с уровнем инвестиционного климата выше порогового, а в остальных странах ее влияние было отрицательным.

Один из каналов этой связи состоит в увеличении масштабов теневой экономики в результате демократизации. Этот вывод вытекает из следующего регрессионного соотношения

$$S = 37.50 - 0.17Y_{75} - 22.7Tr + 3.74\Delta - 0.86CPI\Delta = 37.5 - 0.002Y_{75} - 22.7Tr + 0.86\Delta(4.35 - CPI), \quad (2)$$

где число точек $N = 33$, $R^2 = 78\%$, все коэффициенты значимы на уровне 5% или ниже. Здесь S — средняя доля теневой экономики в ВВП в 1990-е годы (см. (Hellman, Geraint, Kaufmann, 2000)), Δ — описанный выше индикатор демократизации в 1972–2002 гг., CPI — средний индекс восприятия коррупции в 1980–1985 гг., Y_{75} — ВВП на душу населения по ППС в 1975 г. в % к уровню США, Tr — бинарная дамми-переменная для посткоммунистических стран.

Согласно (2), в относительно некоррупцированных в 1980–1985 гг. странах демократизация вела к снижению доли теневой экономики, тогда как в коррупцированных странах эффект был противоположным. Пороговый уровень индекса коррупции в 1980–1985 гг. составлял 4.35, что соответствует уровню между Португалией и Грецией¹.

Как влияет демократизация на другие институциональные характеристики? Результаты многочисленных расчетов регрессионных зависимостей таких (субъективных) индикаторов качества институтов, как индекс восприятия коррупции, индекс инвестиционного климата, индекс эффективности правительства от показателя демократизации Δ , оказались неустойчивыми к спецификации модели. Вероятнее всего, неустойчивость вызвана недостатками выбранного показателя демократизации, о которых говорилось выше. Его увеличение за длительный период свидетельствует об успехе демократизации и лишь косвенно указывает на имевшие место в прошлом издержки. Устойчивый результат получен для другого показателя демократизации, примененного в работе (Polterovich, Popov, Tonis, 2006). Этот показатель, обозначаемый ниже через V , характеризует устойчивость политического режима и равен отношению индекса авторитаризма в 2002 г. к его минимальному значению. Он равен единице (своей минимальной возможной величине) для абсолютно устойчивых режимов — и демократических, и автократических; он также равен единице при монотонном росте уровня демократии. Он больше единицы, если в конце периода уровень авторитаризма выше минимума за период. Практически для всех рассматривавшихся стран в нашей выборке росту авторитаризма предшествовала демократизация. Таким образом, данный показатель отражает неудачу демократизации и, следовательно, косвенно свидетельствует о связанных с ней издержках.

Нижеследующее регрессионное соотношение (см. (Полтерович, Попов, 2007)) показывает, что качество институтов ухудшается в результате нестабильной демократизации².

$$CPI_{2002} = 2.15* + 0.62*CPI + 0.019***Y_{75} - 0.75**V, \quad (3)$$

где число точек $N = 44$, $R^2 = 82\%$, уровень значимости — 8% или ниже. Здесь CPI_{2002} — средний индекс восприятия коррупции в 2002–2003 гг. (чем он выше, тем менее коррупцирована система), CPI — аналогичный средний показатель за 1980–1985 гг., Y_{75} — душевой ВВП по ППС в 1975 г. в % к уровню США. Согласно (3) и результатам из (Polterovich, Popov, Tonis, 2006), чем ниже на-

¹ Если в уравнение (2) включить индекс восприятия коррупции CPI в качестве линейного члена, то он оказывается незначимым и не увеличивает R^2 .

² В регрессионных уравнениях символы “***”, “**”, “*” указывают на уровень значимости соответствующих коэффициентов, равный, соответственно, 1, 5 и 10%.

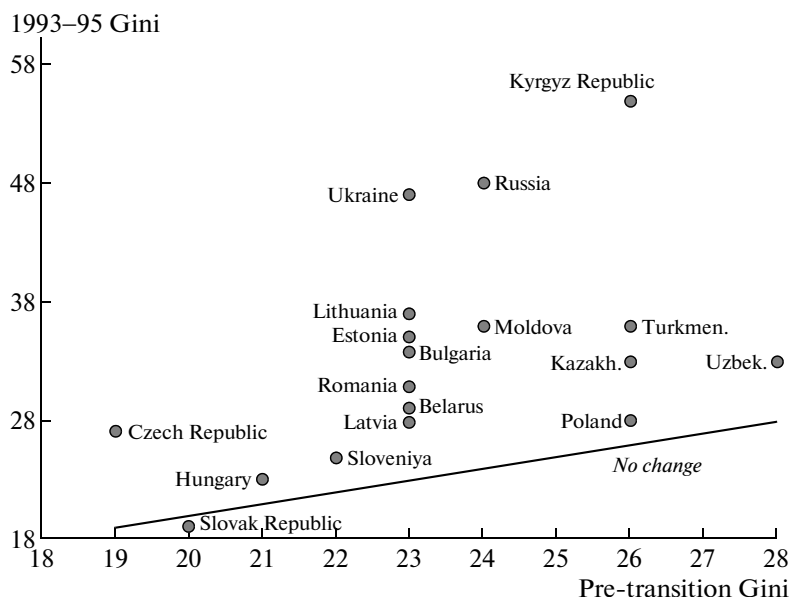

Рис. 1. Увеличение неравенства в переходных экономиках.

Источник: (Milanovic, 1998).

чальное качество институтов, тем больше вероятность возврата к авторитаризму после демократизации. А возврат оказывает негативное влияние на качество институтов.

3. ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И НЕРАВЕНСТВО

В предыдущем разделе было отмечено, что между уровнем коррупции и нестабильностью демократии имеется двусторонняя связь: демократизация при высокой коррупции ведет к ее дальнейшей интенсификации, а высокая коррупция уменьшает шансы демократизации на успех. Еще один канал нестабильности демократии связан с неравенством. В работах (Milanovic, 1998; Gradstein, Milanovic, 2004) отмечается, что в результате реформ во всех бывших социалистических странах, за исключением Словакии, уровень неравенства (коэффициент Джини) возрос (рис. 1). Связан ли этот эффект именно с демократизацией, а не только с экономическими преобразованиями? Правдоподобно, что ответ на этот вопрос положительный: в других странах (не только посткоммунистических) при демократизации тоже наблюдался рост неравенства. Об этом свидетельствует следующая регрессия:

$$Ineq = 48.6* - 0.25*Y_{95} + 8.9 \times 10^{-7}*AREA - 12.1*TRANS - 1.44DEM_{72-75} + 1.22*\Delta, \quad (4)$$

$$N = 123, R^2 = 0.40.$$

Все коэффициенты значимы на уровне 2%, за исключением коэффициента при DEM_{72-75} , который значим на уровне 11%. В уравнении (4) $Ineq$ — коэффициент Джини в последний год периода 1990–2005 гг., за который имеются данные в базе данных Всемирного банка (%); Y_{95} — ВВП на душу населения по ППС в 1995 г. в % к уровню США; DEM_{72-75} — уровень авторитаризма (индекс политических прав) в 1972–1975 гг.; Δ — прирост уровня демократии (снижение индекса политических прав) с 1972–1975 по 1999–2002 гг., баллы. Чем выше был уровень демократии в 1972–1975 гг. (ниже уровень авторитаризма, DEM_{72-75}) и чем больше был прирост уровня демократии за последующие три десятилетия, Δ , тем выше было неравенство в распределении доходов.

Согласно (4) улучшение индекса политических прав на 1 балл (демократизация) влекло за собой в среднем повышение коэффициента Джини более чем на 1.2 пункта. Этот результат может показаться странным: развитые страны характеризуются высоким уровнем демократии и относительно низким неравенством. Заметим, однако, что одной из контрольных переменных в (4) является душевой ВВП, чем он больше, тем меньше неравенство. Невысокое неравенство в странах Европы и Канаде связано с возможностью проводить эффективную социальную политику в богатых странах. А при слабости институтов демократические свободы, предоставляя широкие возможности для лоббирования, увеличивают неравенство.

Значимость коэффициентов сохраняется, если контролировать на $EXfuel$ — среднее отношение чистого экспорта топлива ко всему экспорту за период 1960–1999 гг., $PopDens$ — плотность населения в 1999 г., млн. чел. на 1 кв. км; POP — численность населения в 1999 г., млн. чел.; $AREA$ — площадь, кв. км.; Tr — дамми-переменная для стран с переходной экономикой. В этом случае получаем отрицательную зависимость неравенства от DEM — среднегодового уровня авторитаризма (индекса политических прав Freedom House; принимает значения от 1 до 7) в 1970–2002 гг.:

$$Ineq = -0,001 Y_{95} + 0,002 PopDens - 1,21(10^{-8}) POP + 1,2510^{-6} AREA - 10,09 Tr - 1,57 DEM - 0,06 EXfuel + 54,4, \quad (5)$$

$N = 115$, $R^2 = 0.4406$, все коэффициенты значимы, по крайней мере на уровне 10%.

4. НЕРАВЕНСТВО, ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И РЕСУРСНОЕ БОГАТСТВО

Ресурсное богатство, на первый взгляд, способствует снижению неравенства: в вышеприведенной регрессии знак показателя “средняя доля экспорта топлива в общей стоимости экспорта в 1960–1999 гг.” отрицательный и значимый. Но более тщательная проверка позволяет обнаружить, что зависимость эта нелинейная и обусловлена соотношением силы институтов и масштабов демократизации.

Следующая регрессия показывает, что экспорт топлива позволяет снизить неравенство доходов авторитарным режимам (практически всегда) и демократическим режимам с относительно хорошими институтами. Если же демократизация проходит при слабых институтах, то экспорт топлива оказывается сопряженным с большим неравенством

$$Ineq = 47,24 - 0,2 Y_{95} - 0,002 PopDens + 1,5610^{-6} AREA - 11,189 Tr - 1,1(10^{-8}) POP + EXfuel(0,53 - 0,05 DEM - 0,007 IC), \quad (6)$$

$N = 92$, $R^2 = 0.43$, все коэффициенты значимы на уровне 10% или ниже.

Если выражение в скобках ($0.53 - 0.05 DEM - 0.007 IC$) положительное, то экспорт топлива сопряжен с возрастанием доходного неравенства, а если отрицательное, то, наоборот, со снижением. Выражение же в скобках оказывается отрицательным, например, для стран с полностью авторитарными режимами (индекс политических прав DEM равен 7), у которых средний индекс инвестиционного климата в 1984–1990 гг. был выше 25.7% (в частности, для Ливана — 28%), или же для почти полностью авторитарных стран (индекс политических прав равен 6), у которых средний индекс инвестиционного климата в 1984–1990 гг. был выше 32.9%. Чтобы экспорт топлива не вел к росту неравенства для почти полных демократий (индекс политических прав равен 2), средний индекс инвестиционного климата в 1984–1990 гг. должен был быть выше 61.4% — довольно редкий случай в развивающихся странах. Таким образом, следует ожидать, что в стране со слабыми институтами, экспортирующей нефть, неравенство будет выше. Кроме того, мы еще раз приходим к заключению, что демократизация при слабых институтах увеличивает неравенство.

Если неравенство вызвано ресурсным богатством, то оно коррелировано с более низким качеством государственных институтов. В самом деле, во многих работах, посвященных “ресурсному проклятию” (Auty, 2001; Leite, Weidmann, 1999; Bulte et al., 2003; Torvik, 2002; Wantchekon, Yehoue, 2002), показано, что изобилие природных ресурсов приводит к активизации лоббирования и коррупции. В результате падает качество государственного управления, что отражается на экономическом развитии. Причем этот механизм срабатывает преимущественно в странах со слабыми институтами (Polterovich, Попов, 2006; Жукова, 2006; Карташов, 2006).

Однако неблагоприятное воздействие демократизации на институты и неравенство в распределении доходов — это только часть проблемы. Другая часть связана с обратной зависимостью — с отрицательным влиянием слабых институтов и неравенства на стабильность демократического режима.

5. НЕСТАБИЛЬНОСТЬ ДЕМОКРАТИИ ПРИ СЛАБЫХ ИНСТИТУТАХ: РОЛЬ КОНЦЕНТРАЦИИ СОБСТВЕННОСТИ

Как отмечалось во введении и как следует из предыдущего изложения, неустойчивость демократии при слабых институтах оказывает негативное влияние на рост, поскольку в результате демократизации и последующего возврата к авторитаризму снижается качество институтов.

Таблица 1. Классификация стран по динамике индекса политических прав, 1972–2002 гг.

Страны	Демократии в 2002 г. (индекс политических прав от 1 до 3)	Автократии в 2002 г. (индекс политических прав от 4 до 7)
Стабильный политический режим (индекс политических прав оставался в пределах 1–3 (демократии) или 4–7 (автократии) с 1972 по 2002 г.)	СТАБИЛЬНЫЕ ДЕМОКРАТИИ Западные страны (кроме Греции, Испании, Кипра, Португалии), Багамы, Барбадос, Белиз, Ботсвана, Вануату, Израиль, Индия, Коста-Рика, Маврикий, Папуа – Новая Гвинея, Самоа, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Кристофер и Невис, Сент-Люсия, Тринидад и Тобаго, Шри-Ланка, Ямайка, Япония Всего: 45 стран	СТАБИЛЬНЫЕ АВТОКРАТИИ Азербайджан, Ангола, Бахрейн, Босния, Бруней, Бурунди, Бутан, Вьетнам, Габон, Гаити, Гвинея, Египет, Ирак, Иран, Йемен, Казахстан, Камбоджа, Камерун, Катар, Кения, Кыргызстан, Китай, КНДР, Конго (Дем. Респ.), Кот-д’Ивуар, Куба, Кувейт, Лаос, Либерия, Ливия, Мавритания, Мьянма, ОАЭ, Оман, Руанда, Саудовская Аравия, Свазиленд, Сингапур, Сирия, Сомали, Судан, Танзания, Того, Тунис, Уганда, Узбекистан, Фиджи, Чад, Экв. Гвинея, Эфиопия Всего: 50 стран
Нестабильный политический режим (индекс политических прав в период 1972–2002 г. не оставался в пределах 1–3 или 4–7)	НОВЫЕ ДЕМОКРАТИИ 12 стран Восточной Европы – новых членов ЕС, Албания, Бангладеш, Бенин, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гана, Гренада, Греция, Гватемала, Гайана, Гондурас, Доминиканская Респ., Индонезия, Испания, Кабо-Верде, Кипр, Корея, Мадагаскар, Мали, Мексика, Мозамбик, Молдова, Монголия, Намибия, Непал, Никарагуа, Панама, Перу, Португалия, Сальвадор, Сейшельские о-ва, Сенегал, Суринам, Таиланд, Уругвай, Филиппины, Хорватия, Чили, Эквадор, ЮАР, Югославия Всего: 54 страны	НЕСТАБИЛЬНЫЕ ДЕМОАВТОКРАТИИ Все прочие страны, индекс политических прав в которых в 2002 г. был от 4 до 7, но ранее в период 1972–2002 гг. там была демократия (индексом от 1 до 3), от которой они впоследствии ушли Примером может служить Россия, которая в начале 1990-х годов имела индекс 3, а в 2002 г. – уже 5 Всего: около 50 стран

Нестабильность демократии – отнюдь не редкое явление. Т. Каротерс (Carothers, 2002) подчитал, что почти из 100 стран, которые быстро демократизировались с 1974 по 2002 г., только 18 (10 стран Восточной Европы, вступившие в ЕС; Аргентина, Бразилия, Мексика, Уругвай, Чили – в Латинской Америке; Южная Корея и Тайвань – в Восточной Азии; Гана – в Африке) “действительно находятся на пути к превращению в успешные и хорошо функционирующие демократии или, по крайней мере, добились прогресса в демократизации и сохраняют положительную динамику в этом процессе”.

Ф. Закария (Zakaria, 1997) пишет о возникновении массового феномена “нелиберальных демократий” – стран, в которых введение конкурентных выборов должностных лиц произошло прежде, чем возник правопорядок. Фактически речь идет о перерождении демократии в ту или иную форму авторитаризма³.

В работе (Polterovich, Porov, Tonis, 2006) предложена классификация стран на основе данных Freedom House по “индексу политических прав” – агрегированному показателю уровня демократии в различных странах за период с 1972 по 2002 г. Этот индекс может принимать значения от 1 до 7 (1 – полная демократия, 7 – абсолютный авторитаризм). Индекс основан на экспертных оценках таких показателей, как свобода выборов, прессы, политических партий, массовых мероприятий и т.п.

По динамике индекса политических прав можно разделить страны на 4 группы (табл. 1):

(1) стабильные демократии – страны, где индекс политических прав в течение всего периода 1972–2002 гг. был от 1 до 3 (45 стран);

(2) стабильные автократии – страны, где индекс политических прав в течение всего периода 1972–2002 гг. был от 4 до 7 (50 стран);

(3) новые демократии – страны, имевшие к 2002 г. индекс политических прав от 1 до 3, бывшие ранее авторитарными, с индексом от 4 до 7 (54 страны);

³ См. также статью Дж. Даймонда (Diamond, 2002).

Таблица 2. Индекс политических прав в странах, экспортирующих топливо (чистый экспорт топлива составляет более 20% общего экспорта за период 1960–1999 гг.)

Страна	Чистый экспорт топлива за период 1960–1999 гг., % общего экспорта	Индекс политических прав, 2002 г.	Средний индекс политических прав, 1972–2002 гг.	Тренд индекса политических прав, 1972–2002 гг. (коэффициент b в регрессии $ax + b$)
Алжир	86	6	6.0	–0.004
Ангола	39	6	6.6	–
Бахрейн	37	6	5.8	0.045
Боливия	20	1	3.0	–0.18
Бруней	97	7	6.3	0.044
Венесуэла	86	3	1.7	0.057
Габон	55	5	5.5	–0.054
Египет	27	6	5.4	0.021
Индонезия	40	3	5.3	0.018
Ирак	77	7	6.9	0.009
Иран	91	6	5.7	0.025
Катар	93	6	5.9	0.057
Конго	45	5	6.0	–0.041
Кувейт	67	4	5.0	0.0009
Ливия	97	7	6.6	0.017
Мексика	20	2	3.6	–0.034
Нигерия	73	4	5.2	0.031
Норвегия	22	1	1	0
ОАЭ	58	6	5.6	0.022
Оман	69	6	6.1	–0.023
Россия	39	5	5.3	–0.125
Саудовская Аравия	95	7	6.4	0.049
Сейшельские о-ва	36	3	4.8	
Сирия	34	7	6.3	0.055
Тринидад и Тобаго	45	3	1.4	–0.026
Эквадор	34	3	3.1	–0.14

(4) нестабильные демавтократии – страны, имевшие к 2002 г. индекс политических прав от 4 до 7, бывшие ранее демократиями, с индексом от 1 до 3 (50 стран).

При этом из 54 стран, классифицированных как “новые демократии”, только 24 можно считать относительно устойчивыми: они оставались демократическими в течение, по крайней мере, 8 лет (во многих странах это продолжительность двух избирательных циклов) до 2002 г., и в процессе их демократизации в период 1972–2002 гг. не было “движения назад”. Другие страны либо очень недавно обрели демократию (менее 8 лет демократии без перерыва к 2002 г.), либо в период 1972–2002 гг. испытали переход к авторитарному режиму, либо имело место и то и другое. Вдобавок, не все из “новых демократий” остались таковыми после 2002 г.: Боливия, Венесуэла и Таиланд покинули “демократический клуб”. Таким образом, в последние 30–35 лет не так уж много стран имеют опыт успешной демократизации.

В странах с большой долей сосредоточенных природных ресурсов в экспорте политический режим еще более тяготеет к авторитарному⁴ (табл. 2). Из 26 стран, в которых чистый экспорт топ-

⁴ Тот факт, что в странах, богатых природными ресурсами, политический режим является в среднем менее демократичным, чем в других странах, отмечался многими авторами (см., в частности (Barro, 1996, 1999; Ross, 2001; Wantchekon, 1999; Polterovich, Popov, 2006)).

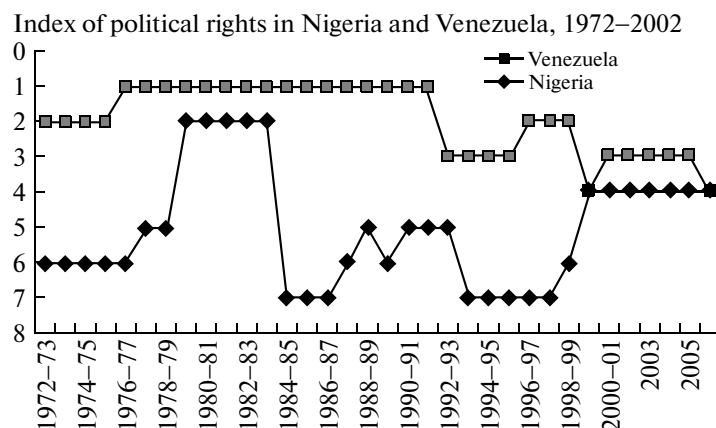

Рис. 2. Неустойчивость демократии в Венесуэле и Нигерии.

лива за период 1960–1999 гг. превышал 20% общего экспорта, лишь в Боливии и Норвегии индекс политических прав в 2002 г. был равен 1, только в Мексике – 2 и еще в пяти странах – 3. Причем Боливия и Венесуэла вскоре перестали быть демократическими. Да и в большинстве других стран, указанных в таблице, наблюдался сдвиг к авторитаризму.

Нестабильность политического режима в странах, богатых природными ресурсами, хорошо видна на примере Венесуэлы и Нигерии (рис. 2).

Объясняя превалирование авторитарных режимов в странах, богатых сосредоточенными природными ресурсами, исследователи указывают ряд причин. Диктатор может использовать доход от природных ресурсов для финансирования силовых структур, чтобы поддерживать свою власть и подавлять деятельность оппозиции. Кроме того, этот доход дает возможность диктатору проводить популистскую политику, например снижать налоги или щедро финансировать социальные программы, обеспечивая себе поддержку населения (Wantchekon, 1999; Ross, 2001; Acemoglu et al., 2005). Технологии добычи ресурсов относительно просты и не требуют быстрого развития “человеческого капитала”. Вследствие этого в странах, богатых природными ресурсами, спрос общества на демократические институты ниже, чем в других странах. Наличие трех перечисленных каналов влияния ресурсного богатства на политический режим подтверждено эконометрическими исследованиями (Wantchekon, 1999; Ross, 2001).

Во всех упомянутых выше работах авторы стремятся объяснить устойчивость авторитарных режимов в странах, богатых сосредоточенными ресурсами. При этом речь идет о том, что авторитарный правитель может либо отменить выборы, либо завоевать большинство, пользуясь асимметрией информации о величине ренты либо возможностью непосредственно распоряжаться природными ресурсами. Другая сторона влияния ресурсного богатства на политическую систему – неустойчивость демократии. Этой теме посвящена работа (Polterovich et al., 2007).

В ней гипотеза об отрицательном влиянии природных ресурсов на устойчивость демократии подтверждается анализом регрессий. Один из результатов состоит в том, что демократизация (изменение индекса политических прав) в период 1972–2002 гг. значимо и положительно зависит от доли чистого импорта топлива в общем импорте, если контролировать на индекс демократии в начале периода и инвестиционный климат (результат не меняется, если в регрессионном уравнении заменить инвестиционный климат на подушевой ВВП в начале периода). Аналогичные результаты получаются, если использовать в качестве меры нестабильности демократии не изменение индекса политических прав за период, а отношение значения этого индекса в 2002 г. к его минимальному значению за период, соответствующий наибольшей демократии (выше этот показатель мы обозначали через I)

$$V = 2.4^* - 0.005^{***} Y_{75} - 0.01^{***} IC - 0.09^* DEM_{72-75} + 0.006^{***} EXfuel, \quad (7)$$

$R^2 = 0.17$; $N = 89$; все коэффициенты значимы на уровне 8% или ниже.

Здесь показатель ресурсного богатства (или ресурсной зависимости) $EXfuel$ – процентное отношение экспорта топлива ко всему экспорту. Этот показатель положителен и, согласно (7), увеличивает нестабильность демократии. При этом нестабильность тем меньше, чем больше душе-

Attitude toward democracy and GINI coefficient in some Latin American countries

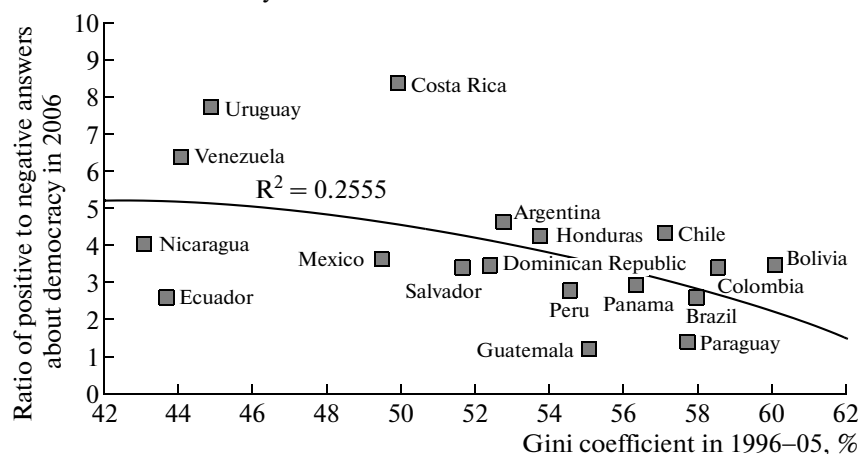

Рис. 3. Отношение к демократии и неравенство в некоторых странах Латинской Америки.

Источник: Latinobarometro. Цитировано по (*Economist*, November 17, 2007).

вой ВВП, чем лучше инвестиционный климат и чем выше индекс политических прав (больше авторитаризм) в начале рассматриваемого периода.

Таким образом, если источник неравенства — ресурсное богатство, то неравенство оказывается коррелированным с неустойчивостью демократии. Но и в общей ситуации неравенство способствует дискредитации демократии.

6. НЕРАВЕНСТВО И ОТНОШЕНИЕ К ДЕМОКРАТИИ

Механизм, видимо, состоит в том, что значительная часть населения считает, что такой режим вырождается в “демократию для богатых” и не отвечает их интересам. Данные организации *Latinobarometro*, регулярно проводящей опросы населения в латиноамериканских странах, свидетельствуют именно об этом⁵. Даже беглый взгляд на рис. 3 дает основания предположить, что большее неравенство в распределении доходов делает демократию менее популярной. Более корректный анализ показывает, что рост неравенства действительно способствует увеличению доли населения, негативно относящейся к демократии

$$DEMpreference = 13.7 + 1.86GOVeff - 0.18Ineq, \quad (8)$$

$N = 18$, $R^2 = 0.60$, все коэффициенты значимы на уровне 1%,

где *DEMpreference* — отношение доли опрошенных, всегда предпочитающих демократию, к доле опрошенных, которые считают, что в определенных условиях авторитарный режим может быть предпочтительнее демократии, в 2006 г.; *GOVeff* — индекс эффективности правительства в 2000 г. — по данным Всемирного банка.

Таким образом, демократизация при слабых институтах и наличие большого ресурсного богатства ведут к росту неравенства в распределении доходов, что, в свою очередь, дискредитирует демократию в глазах большинства населения⁶. В итоге потенциальному Автократу становится проще не только захватить власть, но и удержаться у власти, если только он сможет обеспечить более равномерное распределение ресурсной ренты и, следовательно, всех доходов. Автократ, в конце концов, приходит к власти и, если обеспечивает большее доходное равенство, то и остается у власти. Иными словами, равновесие становится устойчивым.

Подведем итоги. Выше было установлено, что при плохих институтах демократизация негативно влияет на экономический рост и еще более ухудшает качество институтов. Кроме того, мы показали, что при плохих институтах демократизация и увеличение ресурсного богатства связаны с увеличением

⁵ Задаются два вопроса: (1) “Считаете ли вы, что демократия лучше, чем любая форма правления?” и (2) “Считаете ли вы, что при определенных условиях авторитарный режим может быть предпочтительнее демократии?”. В последующих регрессиях зависимая переменная — это отношение доли опрошенных, ответивших положительно на первый вопрос, к доле опрошенных, ответивших положительно на второй.

⁶ Эконометрическое исследование (Wantchekon, 1999) показывает, что преимущество действующей власти отрицательно зависит от коэффициента неравенства Джини.

неравенства, что, в свою очередь, усиливает нестабильность демократии. А нестабильность демократии приводит к ухудшению качества институтов и негативно влияет на темпы роста.

Следует подчеркнуть, что рассмотренный нами канал влияния неравенства на рост (неравенство + слабые институты $\Rightarrow$ нестабильность демократии $\Rightarrow$ ухудшение институтов $\Rightarrow$ замедление роста) является далеко не единственным. Связь между неравенством и ростом весьма сложна (см., например (Гершман, 2009)), и на разных этапах развития экономики может быть как отрицательной, так и положительной.

Эмпирические наблюдения находят объяснение при исследовании теоретико-игровой модели (см. (Polterovich et al., 2007)), демонстрирующей нестабильность демократии при слабых институтах и высокой концентрации доходов. Основная идея работы состоит в следующем.

Если в стране значительная часть доходов сконцентрирована в руках малой группы лиц — “олигархов”, то в условиях демократии при слабых государственных институтах олигархи, подкупая политиков, могут проталкивать через парламент выгодные для них решения, так что их экономическая власть перерастает в политическую. Перекосы в политике и сам факт политической коррупции вызывают у массы населения недовольство действующей властью и разочарование демократической формой правления. Это дает возможность потенциальному Автократу прийти к власти либо раздавая популистские обещания, вызывающие поддержку избирателей, либо заключая союз с олигархами. Далее мы приводим один из вариантов модели.

7. МОДЕЛЬ: НЕСТАБИЛЬНОСТЬ ДЕМОКРАТИИ ПРИ СЛАБЫХ ИНСТИТУТАХ

Рассматриваемая модель описывает процесс разрушения демократии в странах с низким уровнем развития институтов и высокой концентрацией доходов в руках немногочисленной группы лиц. Такая ситуация наблюдалась в ряде стран, обладавших большим количеством сосредоточенных природных ресурсов. Для удобства она и положена в основу интерпретации модели, хотя в принципе ее конструкция и получаемые выводы не зависят от источника сконцентрированных доходов.

Моделируемая экономика состоит из ресурсного сектора и “всего остального”. Ресурсный сектор производит доход, перераспределение которого (назначение ставки налога на ресурсную ренту) является единственным вопросом экономической политики государства. В распределении участвуют четыре действующих лица.

1. Избиратели — предполагается, что подавляющее большинство из них находятся вне ресурсного сектора.

2. Политик — демократический лидер, представляющий в парламенте избирателей, не связанных с ресурсным сектором (партия большинства). В рассматриваемый период ему принадлежит власть, и он назначает ставку налога на ресурсную ренту τ .

3. Олигарх — владелец ресурсной ренты A . Может оказывать влияние на выбор Политиком ставки налога τ , подкупая его.

4. Автократ — потенциальный новый лидер страны, который может прийти на смену демократическому Политику, если его поддержит большинство избирателей. В качестве своей предвыборной программы объявляет уровень налога τ^0 , который установит, придя к власти.

Уделяя основное внимание процессу перераспределения ресурсной ренты и связанной с ним возможности изменения политического режима, модель не учитывает многих других аспектов экономической и политической жизни страны. В частности, не рассматриваются другие инструменты экономической политики, кроме налога на ресурсную ренту; не описано производство в несырьевом секторе, не учитывается искажающее воздействие налога на объем добычи природных ресурсов. Модель однопериодная (оказывается вне рассмотрения период жизни страны после возможного прихода Автократа к власти). Предполагается, что избиратели принимают на веру декларируемую Автократом будущую экономическую политику.

В модели описывается политическая коррупция. Политик, представляющий население, не занятое в ресурсном секторе, мог бы изъять у Олигарха всю ренту A и раздать ее людям в виде трансферта. Тем самым он обеспечил бы себе максимальные шансы выиграть на предстоящих выборах. Но Олигарх может подкупить Политика, предлагая ему установить налог на уровне τ и предлагая за это взятку B . Политик при этом получает прирост полезности B/γ , где γ — параметр модели, отражающий качество институтов (транзакционные издержки политической коррупции и степень заинтересованности Политика в благосостоянии своих избирателей). Политик может согласиться на предложение Олигарха или отказаться.

Последовательность действий сторон такова. Сначала Автократ объявляет ставку налога τ^0 , которую он обещает в случае прихода к власти. Затем Политик и Олигарх договариваются насчет ставки налога τ , которая будет действовать при сохранении демократии. После этого происходят выборы, в результате которых побеждает Политик или Автократ, и победитель реализует свою предвыборную программу.

Поведение избирателей описывается стандартной вероятностной моделью голосования. Предполагается, что избирателей бесконечно много (множество избирателей — единичный отрезок); это допущение существенно упрощает анализ. Каждому избирателю i свойственно определенное отношение к политическому режиму, которое складывается из трех составляющих:

ε_i — “политические убеждения” — уровень индивидуального предпочтения демократии перед автократией;

δ — “шок популярности”, характеристика относительной привлекательности Автократа для населения в целом;

$(\tau - \tau^0)A$ — разница в величине трансфертов, предоставляемых избирателям в результате налогообложения ресурсного сектора в соответствии со стратегиями Политика τ и Автократа τ^0 .

Избиратель i голосует за Политика, а не за Автократа, если $(\tau - \tau^0)A + \varepsilon_i - \delta > 0$. Величины ε_i и δ считаются случайными (распределения заданы), так что на выборах за Политика проголосует некоторая часть избирателей, которая с вероятностью $p(\tau, \tau^0, m)$ окажется большинством; тогда Политик выиграет выборы, и демократия будет сохранена (здесь m — характеристика отношения общества к демократии, зависящая от распределения случайных величин ε_i и δ). В противном случае победит Автократ.

Величины ε_i и δ считаем независимыми. Обозначим, соответственно, через Ψ и Φ их интегральные функции распределения⁷. Предполагается, что

$$\Phi(\delta) = e(h(\delta + \kappa) + 0.5), \quad (9)$$

где параметр h характеризует степень однородности политических предпочтений, а параметр κ отражает их асимметрию: чем он больше, тем в большей степени общество предпочитает демократию. Функция $e(\cdot)$ имеет вид:

$$e(x) = \min(\max(x, 0), 1). \quad (10)$$

В соответствии с (9) и (10) “шок популярности” δ равномерно распределен на отрезке $[-0.5h - \kappa, 0.5h - \kappa]$. Будем предполагать, что Автократ выигрывает выборы, если за него голосует доля избирателей, не меньшая, чем величина $\mu \in [0, 1]$.

Нетрудно показать, что при введенных условиях вероятность сохранения демократии (проигрыша Автократа) задается выражением

$$p(\tau, \tau^0, m) = e((\tau - \tau^0)hA + m), \quad (11)$$

где

$$m = 0.5 + h(K + \kappa), K = \Psi^{-1}(\mu), \quad (12)$$

и $e(\cdot)$ соответствует формуле (10). Величина m определяет вероятность сохранения демократии при равных налоговых ставках и, таким образом, характеризует степень предпочтения демократии в нашей совокупности избирателей. Как и следовало ожидать, функция $p(\tau, \tau^0, m)$ возрастает по τ и убывает по τ^0 .

Имеется два канала влияния, через которые политическая коррупция оказывает отрицательное воздействие на вероятность сохранения демократии $p(\tau, \tau^0, m)$. Первый из них уже был упомянут: в результате подкупа Олигархом Политика ставка налога на ресурсную ренту τ снижается, что уменьшает популярность демократического режима, так как население заинтересовано в высокой ставке налога. Второй канал влияния связан с так называемой коррупционной экстерналией: привлекательность демократии m снижается при увеличении ценности взяток $b = m/\gamma$, полученных Политиком⁸. Будем предполагать, что параметр асимметрии κ линейно убывает с увеличением b . Тогда согласно (12) параметр m можно представить в виде:

$$m = m(b) = m_0 - \alpha b,$$

где $1/2 < m_0 \leq 1$, $\alpha > 0$.

⁷ Значение $\Psi(x)$ равно доле избирателей, для которых $\varepsilon_i \leq x$. Шок популярности δ реализуется в каждом акте выборов случайным образом.

⁸ Население учитывает не только объем взяток, но также вероятность и силу наказания за коррупцию.

Результаты анализа равновесия для этой модели в зависимости от двух основных параметров — ренты A в распоряжении Олигарха и качества институтов γ — представлены на рис. 4¹⁰. Имеется пять характерных зон: (a)–(e).

(a) При низком качестве институтов и слабом ресурсном секторе (относительно малых значениях A) Олигарх подкупает Политика, оставляя себе в случае сохранения демократии всю ресурсную ренту, а Автократ применяет популистскую стратегию, обещая изъять у Олигарха всю ренту и раздать народу.

(b) При увеличении A Автократ начинает делать ставку на Олигарха и неявно кооперируется с ним, оставляя ему в случае своей победы часть ресурсной ренты. Благодаря этому у Олигарха возникает стимул подкупить Политика, добиться снижения взимаемого им налога до нуля и тем самым снизить популярность демократического режима.

(c) При еще большем количестве природной ренты и не очень низком (но и не высоком) качестве институтов Автократ проводит полностью проолигархическую политику, обещая оставить Олигарху всю ренту. Однако теперь сочетание параметров A и γ таково, что Олигарху невыгодно платить столь большую взятку, чтобы снизить ставку Политика до нуля; в равновесии величина τ оказывается положительной.

(d) При высоком качестве институтов Олигарх теряет власть. У него изымается вся ресурсная рента при любом политическом режиме и политическая коррупция отсутствует. При этом вероятность сохранения демократии максимальна и зависит только от параметра m_0 , характеризующего общую привлекательность демократического режима в данном обществе. Если $m_0 = 1$, то демократия наверняка побеждает.

(e) При достаточно большом ресурсном богатстве и низком качестве институтов Автократ с помощью проолигархической политики может добиться победы с вероятностью 1.

На рис. 4 тонкими линиями показаны уровни вероятности сохранения демократии $p(\tau, \tau^0, m)$. Как видно из рисунка, вероятность сохранения демократии отрицательно зависит от ресурсного богатства и положительно от качества институтов. При этом существует пороговый уровень качества институтов, выше которого пропадает влияние ресурсного сектора на политический режим. Этот пороговый уровень тем выше, чем больше ресурсное богатство, но в любом случае не превышает предельного значения $\bar{\gamma}$. При достаточно сильных институтах коррупция не возникает; если при этом население достаточно сильно привержено демократии ($m_0 = 1$), то автократ проигрывает с вероятностью 1.

Автократ может придерживаться популистской или проолигархической стратегии, изымая больше или меньше ресурсной ренты в пользу народа. Чем сильнее ресурсный сектор при низком качестве институтов, тем в большей степени политика Автократа учитывает интересы Олигарха. При высоком качестве институтов Автократ применяет популистскую стратегию вне зависимости от ресурсного богатства.

Таким образом, модель вскрывает механизм, объясняющий полученные выше выводы из эконометрических расчетов: при хороших институтах демократия устойчива; низкое качество институтов в сочетании с высоким неравенством доходов (наличием “олигархов”) приводит к ее нестабильности, даже если население при прочих равных определенно предпочитает демократический режим авторитаризму. Чем больше экономическая власть “олигархов”, тем менее стабильна демократия — этот вывод является нетривиальным следствием модельного исследования.

8. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В работах (Полтерович, Попов, 2007; Полтерович, Попов, Тонис, 2007, 2008) было установлено, что при плохих институтах демократизация негативно влияет на экономический рост; были изучены некоторые механизмы этого влияния. Мы рассмотрели эти механизмы и исследовали еще один канал влияния, связанный с распределением доходов. Приведенные выше эконометрические расчеты демонстрируют, что при слабых институтах демократизация и рост ресурсного богатства ведут к увеличению неравенства и тем самым — к усилению нестабильности демократического режима. А нестабильность демократии, в свою очередь, приводит к ухудшению качества институтов и негативно влияет на темпы роста. Предложенная теоретико-игровая модель показала, как потенциальный Автократ “обыгрывает” находящегося у власти Политика, исполь-

¹⁰Доказательства (см. (Polterovich, Popov, Tonis, 2006)).

зую коррумпированность системы и играя на противоречиях интересов населения и “олигархов”, сосредоточивших в своих руках экономическую власть.

Имеются, по крайней мере, три перспективных направления дальнейшей разработки затронутых в статье проблем. Во-первых, в ряде приведенных выше регрессионных расчетов не решена так называемая проблема эндогенности (объясняющие переменные могут зависеть от объясняемой). Желательно повторить анализ на панельных данных и учесть это обстоятельство. Во-вторых, для изложенной выше модели существенно предположение о том, что агенты верят обещаниям потенциального Автократа. Чтобы преодолеть этот недостаток, необходима динамическая модель взаимодействия четырех игроков. В-третьих, как отмечалось ранее, рассмотренный нами канал влияния неравенства на рост (неравенство + слабые институты $\Rightarrow$ нестабильность демократии $\Rightarrow$ ухудшение институтов $\Rightarrow$ замедление роста) — далеко не единственный. Оценка его относительной роли на разных стадиях развития экономики является интересной и важной задачей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афонцев С.** (1999): Экономическая трансформация в зеркале политико-экономического анализа. В сб.: “Россия XXI”. № 3.
- Гершман Б.А.** (2009): Неравенство доходов и экономический рост: теоретический обзор // *Экон. и мат. методы*. (В печати).
- Жукова Н.** (2006): Изобилие природных ресурсов и экономический рост: роль институтов // *NES Master Thesis*. BSP/2006/079. М.: РЭШ.
- Карташов Г.** (2006): Экономический рост и качество институтов ресурсоориентированных стран. *NES Master Thesis*. BSP/2006/082. М.: РЭШ.
- Полтерович В.М., Попов В.В.** (2007): Демократизация и экономический рост // *Общественные науки и современность*. № 2.
- Полтерович В.М., Попов В.В., Тонис А.С.** (2007): Экономическая политика, качество институтов и механизмы “ресурсного проклятия”. М.: Издательский дом ГУ–ВШЭ.
- Полтерович В.М., Попов В.В., Тонис А.С.** (2008): Нестабильность демократии в странах, богатых ресурсами // *Экономический журнал ГУ–ВШЭ*. № 12.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J., Vared P.** (2005): Income and Democracy // MIT Working paper 05–05. February.
- Auty R.M.** (ed.) (2001): Resource Abundance and Economic Development. L.: Oxford University Press.
- Barro R.J.** (1996): Democracy and Growth // *J. of Econ. Growth*. Vol. 1. № 1.
- Barro R.J.** (1999): Determinants of Democracy // *The J. of Polit. Econ.* Vol. 107. №. 6.
- Bulte E.H., Damania R., Deacon R.T.** (2003): Resource Abundance, Poverty and Development: <http://www.econ.ucsb.edu/papers/wp21-03.pdf>.
- Carothers Th.** (2002): The End of the Transition Paradigm // *J. of Democracy*. January.
- Diamond L. J.** (2002): Thinking About Hybrid Regimes // *J. of Democracy*. Vol. 13. № 2. April. Freedom House: <http://www.freedomhouse.org/index.htm>
- Fidrmuc J.** (2002): Economic Reform, Democracy and Growth during Post-communist Transition. CEPR Discussion Paper № 2759.
- Gradstein M., Milanovic B.** (2004): Does Liberté = Egalité? A Survey of the Empirical Evidence on the Links Between Political Democracy and Income Inequality // *J. of Econ. Growth*. Vol. 18. № 4.
- Hellman J., Geraint J., Kaufmann D.** (2000): How Profitable Is Buying the State Officials in Transition Economies? — Transition // *The Newsletter About Reforming Economies*. April.
- Leite C., Weidmann J.** (1999): Does Mother Nature Corrupt? Natural Resources, Corruption, and Economic Growth // *IMF Working Paper*. № 85.
- Milanovic B.** (1998): Income, Inequality, and Poverty During the Transition from Planned to Market Economy. World Bank Regional and Sectoral Studies. Washington: The World Bank. The International Bank for Reconstruction and Development.
- Polterovich V., Popov V.** (2007): Democratization, Institutional Quality and Economic Growth. In: Dinello N., Popov V. (eds.) Political Institutions and Development. Failed Expectations and Renewed Hopes. Edwards Edgar Publishing. Ch. 3.
- Polterovich V., Popov V., Tonis A.** (2007): Resource Abundance, Political Corruption and Instability of Democracy // *NES Working paper*. WP/2007073. М: NES.
- Popov V.** (2000): Shock Therapy versus Gradualism: The End of the Debate (Explaining the magnitude of the Transformational Recession) // *Comparat. Econ. Stud.* Vol. 42. Issue 1. Spring.
- Popov V.** (2007): Shock Therapy Versus Gradualism Reconsidered: Lessons from Transition Economies after 15 Years of Reforms // *Comparat. Econ. Stud.* Vol. 49. Issue 1. March.

- Przeworski A., Limongi F.** (1993): Political Regimes and Economic Growth // *J. of Econ. Perspectives*. Vol. 7. № 3. Summer.
- Przeworski A., Alvarez M. E., Cheibub José Ant., Limongi F.** (2000): Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990. L.: Cambridge University Press.
- Ross M.L.** (2001): Does Oil Hinder Democracy? // *World Politics*. Vol. 53. April.
- The International Country Risk Guide** (2001): World Bank: www.icrgonline.com.
- Torvik R.** (2002): Natural Resources, Rent Seeking and Welfare // *J. of Development Economics*. № 67.
- UNDP** (2002): *Human Development Report 2002*. Deepening Democracy in a Fragmented World. United Nations. New York: Oxford University Press.
- Wantchekon L.** (1999): Why do Resource Dependent Countries Have Authoritarian Governments? Yale University, 24 pp. (<http://www.yale.edu/leitner/pdf/1999-11.pdf>).
- Wantchekon L., Yehoue E.** (2002): Crime in New Democracies. (<http://www.nyu.edu/gsas/dept/politics/faculty/wantchekon/research/crime.pdf>).
- Wintrobe R.** (2007): Dictatorship: Analytical Approaches. In: Boix C., Stokes S. *Oxford Handbook of Comparative Politics*. L.: Oxford University Press, 2007.
- World Development Institute (WDI, 2001): *Worldwide Governance Research Indicators Datasets*, 2000/01 and 1997/98 (<http://info.worldbank.org/governance/beeps/>).
- Zakaria F.** (1997): The Rise of Illiberal Democracy // *Foreign Affairs*. November.